О. С. ЛИТВИНЦЕВ¹

**ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
БУДДИЙСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ
В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ**

В статье обосновывается эвристический потенциал буддийской эпистемологии в решении трудной проблемы сознания как одной из важнейших проблем когнитивной науки. Буддийское понимание сознания как внеконцептуального начала способно преодолеть физикализм современной когнитивистики, а также эксплицировать отличие между осознанным пониманием и разумным поведением, как оно интерпретируется когнитивным эволюционизмом, теорией автопоэза и теорией искусственного интеллекта.

Ключевые слова: буддийская эпистемология, трудная проблема сознания, холистический и аналитический когнитивный стиль, интегральный подход.

O. S. LITVINTSEV

**THE HEURISTIC POTENTIAL OF BUDDHIST EPISTEMOLOGY
IN THE SOLUTION OF PROBLEMS OF COGNITIVE SCIENCE**

The article substantiates the heuristic potential of Buddhist epistemology in solving a difficult problem of consciousness as one of the most important problems of cognitive science. Buddhist understanding of consciousness as a non-conceptual reality is able to overcome the physicalism of modern cognitive science, as well as to exploit the difference between conscious human comprehension and intelligent behavior as it is interpreted by cognitive evolutionism, the theory of autopoiesis and the theory of artificial intelligence.

Keywords: Buddhist epistemology, difficult problem of consciousness, holistic and analytical cognitive style, integral approach.

В социокультурном пространстве современного мира наступила эпоха интеграции двух полярных моделей цивилизационного развития – аналитической цивилизации Запада и синтетической цивилизации Востока. Последним пассажиром в локомотиве времени, несущем нас к неминуемой встрече с глобальным поликультурным миром, по-видимому, станет наука. Безусловно, академическая наука в своем нынешнем виде еще сохраняет специфику рациональности, выпестованной когнитивным стилем западного человека, однако исследования в области когнитивистики поднимают вопрос об изменении основ научной рацио-

¹ Литвинцев Олег Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Россия.

нальности, обращении к рациональности постнеклассической, вбирающей в себя методологию западной науки и эпистемологию восточной философии.

Классический западный рационализм столкнулся с трудной проблемой сознания не вчера, однако благодаря исследованиям в нейробиологии, нейрофизиологии, теории искусственного интеллекта и когнитивной лингвистике дискуссия о сознании была поднята на новый уровень. Невозможность отрицания субъективной реальности (*qualia*) заводит методологию классической науки в эпистемологический тупик. С одной стороны, отрицание первичности сознания – физикализм² (Б. Скиннер, Р. Карнап, У. Куайн, Дж. Лакофф, М. Джонсон), а также его более рафинированные формы, такие как эпифеноменализм³ (Т. Нагель, Дж. Серль) и функционализм⁴ (Д. Дэннет, Х. Патнэм) – позволяет в известной мере заретушировать изъяны западной традиции философствования. С другой стороны, невозможно отрицать, что никакая теория физической реализации сознания в мозге не может устранить пресловутый «разрыв в объяснении» (*the explanatory gap*), на который указывал Джозеф Левин [Levine 1983].

Постнеклассический «язык» современной науки, базирующийся на эволюционно-синергетической методологии и, во многом, радикально-конструктивистской картине мира, безусловно, расширяет горизонты научного понимания. Разум, описанный кибернетикой второго порядка как свойство операционально замкнутых автопоэзных систем, казалось бы, снимает острую необходимость включения объяснения сознания в круг задач когнитивной науки [Maturana 1970; 1975; Bateson 1972; 1979; Князева 2014]. Однако мыслительные эксперименты, подобные «китайской комнате» Дж. Серля, с очевидностью демонстрируют разницу между поведением разумным и сознательным [Searle 1980]. Именно здесь использование буддийской эпистемологии имеет ключевое значение, выступая своего рода точкой сборки современной когнитивной науки.

Там, где заканчивается сфера мыслимого, начинается внеконцептуальное переживание, именуемое буддийской традицией праджняй – мудростью пустоты. Теория пустоты, шуньявада, по праву может быть названа основоположением буддийской эпистемологии. В соответствии с представлениями мадхьямики и виджнянавады можно утверждать, что сознание может быть включено в область когнитивной науки лишь в качестве термина, указывающего на внеконцептуальную, недואльную действительность. Единственной его функцией, которая

² Физикализм – эпистемологическая установка, согласно которой реальны только физические события и объекты – физические факты. Согласно физикализму, сознание представляет собой физический процесс и может быть полностью редуцировано к физической активности мозга как ближайшего материального субстрата.

³ Эпифеноменализм утверждает, что ментальные феномены не могут быть источником каузального воздействия на физические события, поскольку являются всего лишь инертными субпродуктами (эпифеноменами) физической реальности.

⁴ Функционализм – это позиция, согласно которой сознание представляет собой совокупность функциональных состояний, реализуемых мозгом.

притом может быть эмпирически зафиксирована, является интенциональность в гуссерлианском понимании. С точки зрения когнитивистики, особенно теории искусственного интеллекта, сознание не причастно к мыслительным процессам – программируемым к самообучению математическим алгоритмам нейронной сети. Однако кто будет спорить с тем, что сознание лишь освещает эти процессы?! Наделение сознания единственной функцией – интенциональности – согласуется с обыденным пониманием этого слова: «потерять сознание», «находиться в бессознательном состоянии» значит потерять способность к свидетельствованию. Фактор сознания способен объяснить феномен воплощения разума [Varela 1991; Lakoff, Johnson 1999], сведя воедино два редуцированных языка описания реальности – современный физикализм и классический идеализм. Действительно, как можно отрицать то, что обуславливает самое ваше (пусть и условное) существование.

Неоднозначность терминологии современной когнитивной науки привела к закономерному следствию – обоснованию производности сознания от работы мозга. Так, нейрофизиолог Бенджамин Либет экспериментально обнаружил, что добровольному действию предшествуют электрофизиологические «потенциалы готовности», регистрируемые примерно за 550 миллисекунд до совершения действия, а электрическая активность мозга на 350–400 мс опережает сознательное желание что-либо сделать. Б. Либет делает вывод, что церебральное инициирование спонтанного добровольного акта начинается бессознательно, хотя и может контролироваться в течение первых 150–200 мс, появившись в сознании, а также может быть отменено, но не позднее последних 50 мс до совершения действия [Libet 1985]. Профессор психологии Гарвардского университета Дэниэл Вегнер приводит в доказательство иллюзии сознательной воли результаты ряда психологических экспериментов, в которых испытуемые ощущали авторство действий, в действительности выполняемых другими людьми. Д. Вегнер заключает, что когда мысль появляется в сознании непосредственно перед действием, соответствует действию и не сопровождается заметными альтернативными причинами, мы испытываем сознательную волю и приписываем себе авторство действия [Wegner 2003]. Немецкий нейрофизиолог Джон-Дилан Хайнс с коллегами экспериментально обнаружил, что сознательное действие кодируется в префронтальной и теменной коре мозга и проявляется в виде мозговой активности за десять секунд до того, как идея совершения действия войдет в сознание [Haynes 2008].

Как видно, во всех вышеприведенных случаях сознательная деятельность классифицируется как осознанная в процессе мышления. Сведение сознания к мышлению в современной науке приводит к парадоксальным представлениям о человеке как о зомби, лишенном права быть инициатором собственной деятельности. Пренебрежение или отрицание наукой опыта переживания состояния недвойственности (осознанности) грозит тем, что в скором будущем мы окажемся в мире симулякров сознательной деятельности, мире, где иллюзорная самость

искусственного интеллекта будет совершенно неотличима от иллюзорной самости человеческого существа [Bostrom 2003]. Шведский философ, профессор Оксфорда Ник Бостром говорит о загрузке сознания как о процедуре ближайшего будущего [2016]. Хочется заметить, что любые цифровые технологии нуждаются в энергетической подпитке. Окажемся ли мы в скором будущем героями сюжета голливудской «матрицы», так напоминающей буддийскую концепцию сансары?

Когнитивная наука ставит перед нами вопросы, но ответить на них можно лишь скорректировав эпистемологические предпосылки. Одним из вопросов, возникших благодаря открытию Роджера Сперри и Майкла Газзаниги, является вопрос о семиотических корреляциях когнитивного акта. Профессор психологии Калифорнийского университета, директор Центра изучения разума Майкл Газзанига при работе с людьми с расщепленным мозгом открыл обескураживающее явление. Вследствие рассечения мозолистого тела у испытуемых, не имевших естественной возможности координации работы двух полушарий, ввиду отсутствия доступа одного полушария к другому, обнаружился эффект «достраивания смысла» происходящего. Координация «понимания» ситуации достигалась за счет рационализации всего, что попадало в поле зрения сознания (*правильнее сказать – осмысления*) уже постфактум. Психологическое единство, которое мы чувствуем, согласно Газзаниге, обязано «личному нарративу» – специализированной системе интерпретации, генерирующей объяснение наших ощущений, воспоминаний, действий и взаимоотношений между ними. «Модуль интерпретации, пишет М. Газзанига, во всей видимости есть только у человека, и помещается он в левом полушарии. Его стремление строить гипотезы – основная причина существования человеческих представлений, которые, в свою очередь, накладывают ограничения на мозг. Конструктивная природа нашего сознания для нас неочевидна. Работа интерпретирующего модуля становится заметной, только когда его обманывают, вынуждают сделать явные ошибки, заставив работать со скудным набором данных» [2017].

Функциональная асимметрия полушарий головного мозга – явление, известное довольно давно [Sperry 1964]. Современные же исследования выявляют существенные различия в когнитивных стилях представителей Запада и Востока. Установлена связь между системой письма и типом мышления. Иероглифы, в отличие от алфавитного письма, представляют собой неделимые образы, воспринимаемые правым полушарием мозга и семантически отражающиеся в сознании независимо от их фонетической составляющей [Иванов 1978: 34]. Когнитивные психологи выделяют две стратегии обработки информации: холистическую, свойственную представителям восточных культур, и аналитическую, свойственную людям Запада. Холистический когнитивный стиль характеризуется более внимательным восприятием контекста сообщения и визуального фона, установлением связей между объектами окружающего мира по принципу их взаимозависимости. Аналитический когнитивный стиль, наоборот, сосредоточен

на объектах переднего плана, нежели на контексте сообщения, устанавливает таксономическую связь между объектами реальности [Nisbett 2001; Miyamoto et al. 2006; Nisbett, Masuda 2003; Nisbett, Miyamoto 2005; Oyserman, Lee 2008; Hedden et al. 2008; Александров, Александрова 2009; Talhelm 2014 и т. д.]. Специфический когнитивный стиль отразился на всех сферах культуры Запада и Востока. Особенно ярко различие проявилось в философии, живописе, музыке, поэзии, архитектуре, науке в целом.

Согласно глобально-эволюционистским представлениям, образное, правополушарное мышление было характерным свойством архаических культур. С течением времени в процессе ген-культурной коэволюции, ввиду развития логико-вербального мышления как стратегии обработки когнитивной информации, стал изменяться и тип культуры в сторону левополушарного. Западная цивилизация, пишет И. П. Меркулов, в целом является результатом когнитивной эволюции, приведшей к смене доминирующих когнитивных типов мышления [1999: 63]. По мнению ученого, развитие вида *homo sapiens* проходило по двум сценариям, которые можно назвать западным и восточным. Ниже представлены главные отличительные черты двух моделей цивилизационного развития:

Цивилизационная модель	Западная	Восточная
Тип мировоззрения	Редукционизм	Холизм
Тип мышления	Рациональное, логическое (причинно-следственные связи), абстрактное	Интуитивное, коррелятивное (синхронные связи), предметное
Тип письменности	Алфавитная	Иероглифическая
Психологическая установка	Соперничество, победа	Кооперация, гармония
Представления о времени	Субстанциональное	Организмическое
Система ценностей	Индивидуализм	Коллективизм
Социальная структура	Равноправие	Иерархия
Визуальная фокусировка	Объект	Фон
Языковая фокусировка	Сообщение	Контекст

Указанные две модели цивилизации в границах общечеловеческой культуры выполняют в целом те же функции, что и два полушария головного мозга применительно к когнитивному развитию индивида. Экспериментально подтверждено, что «теоретическая» логика левого полушария головного мозга отличается от «эмпирической» логики правого полушария. Разница, как указывает один из основателей петербургской школы нейрофизиологии В. Л. Деглин, в том, что теоретическое мышление позволяет решать задачи независимо от знаний о соответствующей реальности, при этом истинность решения верифицируется только мыслительными операциями, но не соотносением с действительностью.

стью. Эмпирическое мышление, наоборот, предохраняет от сомнительных выводов, построенных на формально логических основаниях, заставляя сверяться с известным человеку опытом [Деглин 1996: 98–123]. По утверждению В. Л. Деглина, мысль правого полушария – это интуитивный, нерасчлененный и смутный образ, который «логизируется» в левом полушарии, становясь осознанной и годной для представления в языке мыслью. На пути «от правого полушария к левому» теряются догадка и интуиция, но появляются суждения и умозаключения [Там же: 132].

Эпистемологическое кредо западной и восточной моделей цивилизационного развития легко обнаружить в следующих изречениях, имеющих принципиальное значение для указанных культур:

Запад: «Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος» – «Вначале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна).

Восток: «道可道，非常道。名可名，非常名。无名天地之始。有名万物之母»。 «Дао, выраженное в словах, не есть неизменное Дао. Имя, которое можно поименовать, не есть неизменное имя. Безымянное – начало Неба и Земли, имеющее имя – мать всех вещей» (Дао дэ цзин).

Буддийская эпистемология отталкивается от принципиальной невозможности концептуализации Абсолютной истины – истины пустоты. Первичная категоризация и концептуализация, как показано выше, осуществляется посредством двух когнитивных стратегий – аналитической и холистической. В итоге общечеловеческие аристотелевские формы мышления приводят к существенно отличающимся друг от друга картинам мира, воплощенным в двух цивилизационных моделях: рационалистическом Западе и интуитивистском Востоке. Односторонний рационализм западной эпистемологии, подобно левополушарному мышлению, препятствует осознанию взаимозависимости и единства человека и природы. Отсюда патология западной эпистемологии, на которую также указывал выдающийся антрополог Грегори Бейтсон. «Начиная с эпистемологической ошибки выбора неправильной единицы выживания: индивидуум, семейная линия, подвид, вид и т. д., – писал он, – вы приходите к идее “вид против другого вида”, “вид против среды обитания” и, в конечном счете, заканчиваете тезисом: “Человек против природы”» [Bateson 1987: 489]. Человек для современной антропоцентрической науки оказывается вынутым из природы и исследуемым в отрыве от нее. «Теперь, – пишет Бейтсон, – мы видим другую иерархию единиц: ген в организме, организм в среде, экосистема» [Ibid.]. Исследуя связи между языком, мышлением и разумом, мы непременно должны учитывать фактор неразрывного единства человека с его биологической нишей. С точки зрения эволюционно-синергетической картины мира, лишь такая позиция будет разумной. Но в то же время нельзя забывать, что системные языки описания реальности – все же лишь описания (*mapping*) – «культурный нарратив», но не сама реальность.

Сегодняшняя научная рациональность подобна колоссу, экспериментально-методологическая мощь которого соединена с глиняными метафизическими ногами физикализма и идеализма. В эпистемологических предпосылках классической науки заложено глубочайшее противоречие, приведшее к невозможности обоснования фактора сознания и, как следствие, опыта постижения мира от первого лица. Ввиду этого, назрела необходимость переосмысления оснований эпистемологии, с установлением новой эпистемологии, вбирающей в себя по принципу комплементарности как западный, так и восточный тип рациональности. Отказ от любого из них ведет науку (и жизнь человека в целом) к тому, что современный интегральный мыслитель Кен Уилбер называет «плоским миром» (*flatland*), т. е. к недопустимому упрощению мировоззренческой карты действительности.

В конце прошлого века академик В. С. Степин писал: «Можно констатировать, что развитие современной научной картины мира органично включено в процессы формирования нового типа планетарного мышления, основанного на толерантности и диалоге культур и связанного с поиском выхода из современных глобальных кризисов. Приобретая открытый характер, научная картина мира вносит свой вклад в процессы синтеза различных культур. Она соединяет новые подходы, возникшие на почве развивающейся научной рациональности, всегда выступавшей ценностью техногенной (западной) цивилизации, с идеями, разработанными в совсем иной культурной традиции и возникшими в восточных учениях и в “космической философии”. Современная научная картина мира включена в диалог культур, развитие которых до сих пор шло как бы параллельно друг другу. Она становится важнейшим фактором кросскультурного взаимодействия Запада и Востока» [1994: 388].

Для исследования сознания от первого лица Франциско Варела с коллегами разработал нейрофеноменологический метод, заключающийся в самоанализе эмпирического материала с точки зрения феноменологической редукции, абстрагированной от культурных наслоений. При объяснении данных Варела и его единомышленники Эван Томпсон и Элеонор Рош ориентируются не на известные западные психологические теории, а на развитый категориальный аппарат традиционной буддийской психологии, описывающей медитативные состояния (шаматха, випашьяна). В коллективной монографии Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош безапелляционно заявляют: «...мы сосредоточимся на одной из тех традиций, которая проистекает из буддийского метода эмпирического постижения действительности, называемого медитацией осознанности. Мы считаем, что буддийские доктрины «не-Я» и «недуализма», которые выросли из этого метода, вносят значительный вклад в диалог с когнитивной наукой: 1) Доктрина «не-Я» способствует пониманию фрагментарности «Я» в когнитивизме и коннекционизме; 2) Буддийский недуализм, особенно в том виде, как он представлен в мадхьямике Нагарджуны, может быть сопоставлен с концепцией интересубъективности Мерло-Понти и с более поздней идеей познания как действия. Мы

утверждаем, что повторное открытие азиатской философии, в частности буддийской традиции, представляет собой второе Возрождение в истории культуры Запада, которое может иметь столь же большое значение, сколько и повторное открытие греческой мысли в период европейского Ренессанса» [Varela et al. 1991: 21–22].

Подлинно интегральный подход к познанию демонстрирует американский философ Кен Уилбер. В рамках его подхода создается интегральная модель видения науки, призванная объединить все известное теоретическое знание Запада и Востока в единую познавательную матрицу – AQAL – «все квадранты – все уровни» (*all quadrants all levels*). Наука, констатирует К. Уилбер, не только имеет разный предмет и говорит на разных языках, но и обладает разными критериями истинности. Максимальное упрощение приводит нас к трем не сводимым друг к другу языкам науки, соизмеримым с первым (я, меня, мое, мы, наш, наше), вторым (ты, тебя, твое, вы, ваш, ваше) и третьим (он, она, оно, его, ее, их) лицами местоимений, которые имеются во всех языках мира. Обращение к опыту с позиции «Я»-измерения требует искренности и честности. Иных критериев достоверности между территорией и картой субъективной реальности не существует. «МЫ»-измерение соответствует культурному контексту. Здесь критерием достоверности выступает справедливость/благо, достигаемые путем взаимного согласования. «ОНО»-измерение описывает мир на языке сил и импульсов, где истинным будет верифицируемое посредством эксперимента знание. Нетрудно заметить параллели между «Я»- «МЫ»- и «ОНО»-измерениями с прагматической, когерентной и корреспондентской концепциями истины в западной эпистемологии.

Кроме того, интегральный подход, как представляется, достаточно четко описал общий паттерн эволюции открытых самоорганизующихся систем, таких как человек и социум. Данный паттерн включает четыре уровня и ряд относительно независимых линий развития. К четырем уровням относятся: 1) доконвенциональный/эгоцентризм; 2) конвенциональный/этноцентризм; 3) постконвенциональный/мироцентризм; 4) пост-постконвенциональный/уровень недурального видения. Рассмотрим важнейшую линию развития – морального суждения/личностной идентификации. На первой стадии так называемого *эгоцентризма* моральным признается все, что полезно «мне», поэтому эту ступень также именуют доконвенциональной. Вторая стадия – *этноцентризм* – сфокусирована на «нас». В этот период человек идентифицирует себя с группой лиц (семья, друзья, единомышленники, этнос, нация и пр.) по принципу «свои – чужие». Этот этап носит конвенциональный характер. На третьей стадии – *мироцентризма* – самоидентичность расширяется до состояния заботы и принятия «всех нас». Человек, достигший этой стадии морального роста, принимает общечеловеческие ценности в качестве своих собственных и руководствуется ими в повседневной жизни. Четвертая стадия предполагает отказ от самоидентификации как таковой и отказ от вынесения каких-либо суждений относительно то-

го, что считать моральным [Wilber 2006]. На данной стадии человек отказывается от концептуальной оценки, позволяя событиям проявляться и таять в потоке осознанных переживаний. Этот уровень соответствует даосскому недеянию или буддийской дхармадхату. Линии развития или то, что Говард Гарднер назвал множественным интеллектом [2007], относительно независимы друг от друга, а общее развитие – совокупность всех этих линий, согласно Уилберу, вообще не имеет линейного или последовательного характера. Линии развития нередко находятся в отношении необходимого, но не достаточного условия для развития каждой последующей. К примеру, психологическое развитие необходимо, но недостаточно для когнитивного развития, которое необходимо, но недостаточно для межличностного развития, которое необходимо, но не достаточно для морального развития. Это также означает, что, к примеру, этическое развитие не может опережать межличностное, которое не может опережать когнитивное. В то же время вполне реально представить ситуацию, когда человек с высоким когнитивным развитием находится на низком уровне морального роста.

Концепция уровней развития К. Уилбера находит корреляты с теорией социокультурной динамики П. Сорокина, теорией развития общества О. Конта, теорией цивилизационного развития Д. Белла, концепцией трех волн Э. Тоффлера и т. д. Все они сходятся на том соображении, что в истории становления социума можно выделить три последовательно сменяющих друг друга стадии: 1) идеациональная/теологическая/доиндустриальная/аграрная; 2) чувственная/метафизическая/индустриальная/промышленная; 3) идеалистическая/научная/постиндустриальная/информационная. При этом линии развития можно рассматривать как типологическую классификацию локальных культур/ цивилизаций (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон и др.) и, в более широком плане, двух цивилизационных моделей: традиционной и техногенной (В. С. Степин), высококонтекстуальной и низкоконтекстуальной (А. Холл), индивидуалистской и коллективистской (Г. Триандис), аналитической, или левополушарной, и синтетической, или правополушарной [Иванов 1978; Кобзев 2006].

В разрабатываемым интегральным подходе К. Уилбер видит большое значение для науки. В первую очередь, оно заключается в том, что данный подход представляет собой опыт осмысления и классификации накопленных знаний всего человечества. При этом Уилбер стоит на твердой почве доказательств и аргументаций, свойственных западному рациональному взгляду: «Интегральный подход позволяет вам видеть и себя, и мир вокруг более исчерпывающими и эффективными способами. Важно, однако, с самого начала понять один момент: интегральная карта – это всего лишь карта. Это не территория. Совершенно определено: мы не хотим путать карту с территорией, – однако также не хотим мы работать и с неточной или ошибочной картой. Интегральная карта – это всего лишь карта, но она является наиболее полной и точной картой из тех, что доступны нам сегодня» [Wilber 2006].

Интегральный подход с нашей точки зрения является ведущей методологической базой, демонстрирующей опыт интеграции двух типов рациональности – Запада и Востока. Однако, как представляется, для четкого понимания восточной эпистемологии недостаточно одного поверхностного взгляда на экзотическую философию Востока. Необходимо обратиться к корпусу современных исследований в области индологии, китаистики, буддологии, даологии, ицзинистики и т. д. За более чем вековую историю существования классического востоковедения был выработан четкий категориальный аппарат, собственная исследовательская методология, сформированы научные школы и исследовательские центры, переведен и введен в научный оборот колоссальный массив аутентичных текстов, составлены энциклопедии и словари. Все это дает основания надеяться на изменение в ближайшем будущем классического идеала западной рациональности, пребывающей в эпистемологическом тупике.

Литература

- Александров Ю. И. Субъективный опыт, культура и социальные представления / Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. – 320 с.
- Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с.
- Газзанига М. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии / М. Газзанига; пер. с англ.; под ред. А. Якименко. – М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. – 368 с.
- Гарднер Г. Структура разума: Теория множественного интеллекта / Г. Гарднер. – М., 2007. – 512 с.
- Деглин В. Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека Амстердам / В. Л. Деглин. – Киев, 1996. – 151 с.
- Князева Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии / Е. Н. Князева. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 352 с.
- Кобзев А. И. Философия и духовная культура Китая / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 44–55.
- Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Сов. Радио, 1978. – 184 с.
- Меркулов И. П. Когнитивная эволюция / И. П. Меркулов. – М.: РОССПЭН, 1999. – 312 с.
- Меркулов И. П. Эпистемология: Когнитивно-эволюционный подход. Т. 2 / И. П. Меркулов. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – 416 с.
- Степин В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М., 1994. – 274 с.
- Чалмерс Д. Сознание и ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – М., 2013. – 512 с.
- Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Jason Aronson Inc. Northvale, New Jersey, London, 1987. – 521 p. (Originally published: San Francisco: Chandler Pub. Co., 1972.)
- Bateson G. Mind and Nature: A Necessary Unity / G. Bateson. – N. Y., 1979. – 238 p.

Haynes J.-D. Unconscious determinants of free decisions in the human brain Chun Siong Soon, Marcel Brass / J.-D. Haynes // *Nature Neuroscience*. – 2008. – 11. – P. 543–545.

Bostrom N. Are We Living in a Computer Simulation? // *The Philosophical Quarterly*. – 2003. – Vol. 53. – Is. 211. – P. 243–255.

Hedden T. Cultural Influences on Neural Substrates of Attentional Control / T. Hedden, S. Ketay, A. Aron, H. R. Markus, & J. D. E. Gabrieli // *Psychological Science*, 19. – 2008. – P. 12–17.

Lakoff G. *Philosophy In The Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y.: Basic books, 1999.

Levine J. Materialism and qualia: the explanatory gap / J. Levine // *Pacific Philosophical Quarterly*, 64. – 1983. – P. 354–361.

Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action / B. Libet // *The behavioral and brain sciences*, 8. – 1985. – P. 529–566.

Maturana Hr. R. *Biology of Cognition*. – BCL Report № 90. Urbana. University of Illinois, Department of Electrical Engineering, Biological Computer Laboratory, 1970.

Maturana Hr. The organization of the living: A theory of the living organization / Hr. Maturana // *International Journal of Man-Machine Studies*. – 1975. – Vol. 7. – Is. 3. – P. 313–332.

Miyamoto Y. Culture and the Physical Environment Holistic Versus Analytic Perceptual Affordances / Y. Miyamoto, R. E. Nisbett, T. Masuda // *Psychological science*. – 2006. – Vol. 17(2). – P. 113–119.

Nisbett R. E. Culture and Systems of Thought: Holistic Versus Analytic Cognition / R. E. Nisbett, K. Peng, I. Choi, A. Norenzayan // *Psychological Review*. – 2001. – Vol. 108(2). – P. 291–310.

Nisbett R. E. Culture and point of view / R. E. Nisbett, T. Masuda // *PNAS*. – 2003. – Vol. 100(19). – P. 11163–11170.

Nisbett R. E. The influence of culture: holistic versus analytic perception / R. E. Nisbett, Y. Miyamoto // *TRENDS in Cognitive Sciences*. – 2005. – Vol. 9. – No. 10. – P. 467–473.

Oyserman D. Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism / D. Oyserman, S. W. Lee // *Psychological Bulletin*. – 2008. – Vol. 134. – No. 2. – P. 311–342.

Searle J. Minds, brains, and programs / J. Searle // *Behavioral and brain sciences*. – 1980. – Vol. 3. – № 3. – P. 417–424.

Soon Ch. S. Unconscious determinants of free decisions in the human brain / Ch. S. Soon, M. Brass, H.-J. Heinze // *Nature Neuroscience*. – 2008. – No. 11(5). – P. 1–3.

Sperry R. W. The great cerebral commissure / R. W. Sperry // *Scientific American*. – 1964. – Vol. 210(1). – P. 42–52.

Talhelm T. Large-Scale Psychological Differences Within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture / T. Talhelm et al. // *Science*. – 2014. – Vol. 344. – Is. 6184. – P. 603–608.

Varela F. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience* / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – MIT Press., 1991.

Wegner D. M. The mind's best trick: how we experience conscious will / D. M. Wegner // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2003. – Vol. 7. – No. 2. – P. 65–69.

Wilber K. *Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL Map Integral Naked [Электронный ресурс]* / K. Wilber // *AQAL*. – 2006. – Vol. 1. – № 1. – Режим доступа: <http://nlping.ru/78BBC7B9-F4645-87216A28>).